

УДК 929+612

DOI: <https://doi.org/10.17816/MAJ115043>

ТРУДНЫЕ ГОДЫ ЛЕОНА АБГАРОВИЧА ОРБЕЛИ: К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Е.Т. Захарова

Институт экспериментальной медицины, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования: Захарова Е.Т. Трудные годы Леона Абгаровича Орбели: к 140-летию со дня рождения // Медицинский академический журнал. 2022. Т. 22. № 4. С. 97–112. DOI: <https://doi.org/10.17816/MAJ115043>

Рукопись получена: 02.12.2022

Рукопись одобрена: 23.12.2022

Опубликована: 29.12.2022

Л.А. Орбели — один из выдающихся отечественных физиологов, в разное время работавший в Отделе физиологии Императорского института экспериментальной медицины под руководством И.П. Павлова и в Петербургском Морском госпитале, возглавлял Отдел эволюционной физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины и Биостанцию в Колтушах (впоследствии Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР). В годы сталинских репрессий активно выступал в защиту коллег-ученых, ходатайствуя об их освобождении. Сколько людей спас Л.А. Орбели в годы сталинского террора, сегодня не знает никто. Абгар Леонович (15.05.1939–20.12.2022), внук Леона Абгаровича, общественный и научный деятель, предполагал, что он спас не менее ста человек. Среди спасенных Орбели был и будущий нобелевский лауреат по физиологии или медицине Конрад Лоренц. Благодаря заступничеству Леона Абгаровича суд над Е.М. Крепсом по обвинению в контрреволюционной деятельности завершился для ученого пятью годами исправительно-трудового лагеря, а не высшей мерой наказания. Благодаря ему же Крепс смог вернуться к научной деятельности. Подобная активность не могла остаться «безнаказанной», и после «Павловской» сессии Орбели был отовсюду уволен, но в 1956 г. он стал директором Института эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова, который возглавлял до самой смерти в 1958 г. Л.А. Орбели был одним из первых отечественных правозащитников, для которого гуманистическая деятельность была не менее важной, чем научная. Статья написана на основе доклада старшего научного сотрудника Института экспериментальной медицины Е.Т. Захаровой «Орбели и его время», сделанного в Академии наук (СПб, Университетская набережная, д. 5) 07.07.2022 на семинаре, посвященном памяти академика Л.А. Орбели, приуроченном к 140-летию со дня рождения.

Ключевые слова: И.П. Павлов; Л.А. Орбели; Институт экспериментальной медицины; Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН; Колтуши.

THE DIFFICULT YEARS OF LEON ABGAROVICH ORBELI: 140TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

Elena T. Zakharova

Institute of Experimental Medicine, Saint Petersburg, Russia

For citation: Zakharova ET. The difficult years of Leon Abgarovich Orbeli: 140th anniversary of his birth. *Medical Academic Journal*. 2022;22(4):97–112. DOI: <https://doi.org/10.17816/MAJ115043>

Received: 02.12.2022

Accepted: 23.12.2022

Published: 29.12.2022

L.A. Orbeli was one of the outstanding Russian physiologists, who at different times worked in the Department of Physiology of the Imperial Institute of Experimental Medicine under I.P. Pavlov and in St. Petersburg Marine Hospital, headed the Department of Evolutionary Physiology of the All-Union Institute of Experimental Medicine and Biostation in Koltushi (later on the Institute of Evolutionary Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity of USSR Academy of Medical Sciences). During the Stalinist repressions he actively defended his fellow scientists, petitioning for their release. How many people were saved by L.A. Orbeli during the Stalinist terror, no one knows today. Abgar Leonovich (15.05.1939–20.12.2022), grandson of Leon Abgarovich, public figure and scientist, estimates that he saved at least a hundred people. Among those saved was the future Nobel Prize winner for physiology or medicine, Konrad Lorenz. Thanks to Leon Abgarovich's intercession, E.M. Kreps' trial for counterrevolutionary activities ended with 5 years in a labour camp, and not the highest punishment for the scientist. Thanks to him, Kreps was able to return to his scientific activities. Such activity could not remain "unpunished" and after the "Pavlov" session Orbeli was dismissed from all posts, but in 1956 he became Director of the I.M. Sechenov Institute of Evolutionary Physiology. I.M. Sechenov Institute of Evolutionary Physiology, which he headed until his death in 1958. L.A. Orbeli was one of the first native humanist, for whom humanist activity was not less important than scientific. The article is based on report of senior researcher of FGBNU "IEM" E.T. Zakharova "Orbeli and his time", made in Academy of Sciences (SPb, Universitetskaya Embankment, 5) 07.07.2022 at the workshop dedicated to memory of academician L.A. Orbeli, timed to 140th anniversary since his birth.

Keywords: I.P. Pavlov; L.A. Orbeli; Institute of Experimental Medicine; Pavlov Institute of Physiology; Koltushi.

«Для чего нужно анализировать события прошлых лет? Не зная прошлого, невозможно понять...настоящее. Ведь настоящее — производное прошлого».

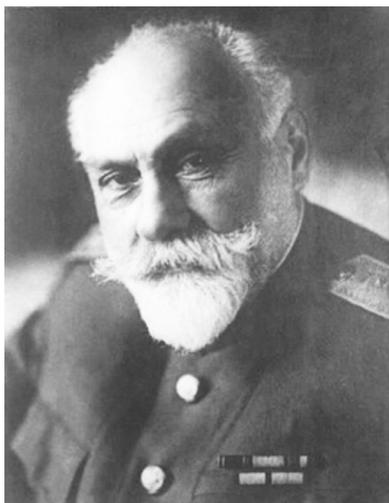
В.Я. Александров

«Жили мы в страшное время, все боялись, стали трусами и подлецами. Вот я любил и уважал Леона Абгаровича Орбели. Его критиковали, унижали, оплевывали! Я слушал речи критиков и боялся выступить в его защиту...».

Н.Н. Анчиков

Леон Абгарович Орбели начал работать в отделе физиологии Императорского института экспериментальной медицины с 1901 г. под руководством профессора Ивана Петровича Павлова. В 1903 г. студентом 2-го курса Военно-медицинской академии (ВМА) он получил большую золотую медаль и премию в 100 рублей за свою первую экспериментальную работу «Сравнение работы пепсиновых желез до и после перерезки ветвей блуждающих нервов». В то время, по воспоминаниям самого Л.А. Орбели, это была «огромная сумма», и Леон с присущим ему чувством справедливости обратился к И.П. Павлову с просьбой разделить эти деньги поровну со студентом И.С. Цитовичем, получившим серебряную медаль за работу «О влиянии алкоголя на пищеварение», денежная премия которому не полагалась.

Окончив ВМА с золотой медалью (1904) и получив назначение в Петербургский Морской госпиталь, Л.А. Орбели возобновил работу в физиологическом отделе Императорского института экспериментальной медицины, при этом первые два года (1905–1907) он был внештатным сотрудником, а с 1911 по 1920 г. — помощником заведующего физиологическим отделом И.П. Павлова. В 1932–1950 гг. занимал должность заведующего отделом эволюционной физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины, состо-

Леон Абгарович Орбели. 07.07.1882, Цахкадзор (Долина цветов), Армения — 09.12.1958, Ленинград

Leon Abgarovich Orbeli. 07.07.1882, Tsakhkadzor (the Valley of Flowers), Armenia — 09.12.1958, Leningrad

явшим из четырех лабораторий. Кроме того, после смерти своего учителя И.П. Павлова (1936) Леон Абгарович стал директором Биостанции в Колтушах, которая до 1939 г. входила в состав Всесоюзного института экспериментальной медицины, а в 1939 г. была реорганизована в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР.

Бывший ранее императорским, Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), среди сотрудников которого было много интеллигенции дворянского сословия, царских офицеров и детей священнослужителей, сильно пострадал в годы репрессий (1937–1938), когда И.П. Павлова, служившего защитой для многих, не стало.

Знаменательно, что 30 октября — день памяти жертв политических репрессий является и днем рождения матери Леона Абгаровича — княжны Варвары Моисеевны Аргутинской-Долгоруковой-Орбели. В этот день, по словам Абгара Леоновича Орбели, внука выдающегося физиолога, его семья ежегодно поминает своих знаменитых предков: Леона Абгаровича и его братьев — археолога и основоположника подводной археологии, профессора **Рубена Абгаровича** (1880–1943), академика АН СССР и АН Армянской ССР, востоковеда, выдающегося директора Эрмитажа (1934–1951) **Иосифа Абгаровича** (1887–1961), а также их родителей — **Абгара Иосифовича**, окончившего Юридический факультет Петербургского университета, и **Варвару Моисеевну**, предком которой был утвержденный в княжеском роде, избранный католикосом, то есть патриархом всех армян, **Иосиф Аргутинский-Долгорукий** [1].

С 2018 г. ряд ученых ИЭМ занимается изучением следственных дел репрессированных в 1935–1938 гг., а позднее реабилитированных сотрудников Института. Из 46 сотрудников, дела которых хранятся в архиве Федеральной службы безопасности, 24 человека были расстреляны, 4 — умерли в лагерях, 18 — выжили в тюрьмах, лагерях и ссылках. 9 июня 2018 г. на пожертвования сотрудников ИЭМ погибшим был открыт памятник на мемориальном кладбище в Левашово (ранее — Левашовская пустошь — место тайного спецмогильника, где было захоронено более 50 000 расстрелянных жителей Ленинграда). 30 октября 2018 г., в день памяти жертв политических репрессий, всем репрессированным сотрудникам ИЭМ в фойе актового

зала Института была установлена памятная мемориальная доска [2].

Среди выживших сотрудников ИЭМ был и будущий крупный академик **Евгений Михайлович Крепс** (1899–1985), осужденный за «контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую деятельность» на 5 лет исправительно-трудового лагеря Колымы, где дважды был на грани смерти. В его следственном деле [3] было обнаружено более десятка писем, направленных мужественным Леоном Абгаровичем в защиту своего ученика и соратника, в частности: комиссару госбезопасности Л.М. Заковскому, прокурору А.Я. Вышинскому, председателю Совета Народных Комиссаров (СНК) В.М. Молотову, наркому внутренних дел Л.П. Берии, маршалу К.Е. Ворошилову, старшему майору госбезопасности комдиву В.В. Чернышеву, наркому госбезопасности В.Н. Меркулову [4]. В те времена подобные письма были чрезвычайно редки и смертельно опасны — люди боялись вслед за письмами пойти по этапу.

Существует версия, что к аресту знаменитого астрофизика-теоретика и директора Пулковской обсерватории (1933–1937) **Б.П. Герасимовича** (1889–1937) привело его заступничество перед А.А. Ждановым за арестованных сотрудников обсерватории и коллег-астрономов [5]. Б.П. Герасимович был расстрелян в день вынесения приговора — 30.11.1937. Пулковская обсерватория — астрономическая столица мира — опустела. В наши дни и всегда Б.П. Герасимович будет примером высокого человеческого достоинства, благородства и гражданского мужества.

Дело астрономов или «Пулковское» дело (1936–1937) получило в истории науки еще одно название — «**Большое советское затмение**»: 19 июня 1936 г. состоялось солнечное затмение, уникальность которого состояла в том, что оно происходило только на территории СССР. Б.П. Герасимович с 1934 г. вел обширную переписку с астрономами зарубежных стран, мечтавших приехать на это затмение. Широкие зарубежные контакты Б.П. Герасимовича не могли не привлечь пристального внимания «органов». В приезд в Пулково в 1934 г. (по приглашению Б.П.) американского астронома Цецилии Пэйн, его близкого сотрудника по Гарварду, Герасимович, очень мало говоривший об окружающей обстановке, сказал: «Когда я вижу, что творится с моей любимой родиной, мне хочется убить себя» [5].

В 1936–1937 гг. каток сталинских репрессий безжалостно уничтожил лучших представителей советской астрономии. Не веря в обоснованность обвинений против своих коллег, Герасимович сохранял, несмотря на противодействие партгруппы и месткома обсерватории, закрепленные за арестованными исследователями темы, не спешил с замещением их мест.

Трудно себе представить, что наблюдение за небесными светилами могло каким-то образом повлиять на государственное устройство или идеологию Советского Союза. Тем не менее по «Пулковскому» делу ученых расстреливали, ссылали в лагеря, лишали имущества и прав. В августе 1936 г. был арестован «троцкист» заместитель директора Главной астрономической обсерватории по административно-хозяйственной части Б.И. Шигин. Затем в ноябре 1936 — сентябре 1937 г. последовали аресты 13 пулковских астрономов и жен семерых из них, а вскоре и самого Б.П. Герасимовича. Мировая астрономическая общественность была потрясена: ученые, называвшие Герасимовича «звездой первой величины», не хотели верить слухам, доходившим из России [6].

Л.А. Орбели как ученый и житель Ленинграда, конечно же, знал о трагической судьбе Б.П. Герасимовича, но продолжал ходить в известные «органы» с ходатайствами за своих арестованных сотрудников.

Н.П. Дубинин в книге «Л.А. Орбели в воспоминаниях современников» назвал Леона Абгаровича «человеком истинной красоты» [7, с. 102], одной из главных черт которого были «смелость и мужество, отличавшие его от очень многих. Он никогда не боялся за себя, всегда отстаивая то, что считал справедливым» [7, с. 4]. По сути, И.П. Павлов и его любимый ученик Л.А. Орбели были одними из первых, а может быть, и первыми, как бы мы сказали сегодня, российскими правозащитниками. В силу своих регалий [первый — нобелевский лауреат (1904), второй — академик и директор Физиологического института АН СССР и Биологической станции в Колтушах] они могли до некоторой степени это себе позволить. Хотя известно, что Молотов, получая ходатайства Павлова о сотрудниках, высланных по «**Кировскому потоку**» (1935)¹, писал Сталину: «Сегодня СНК получил новое **чепуховое** письмо академика Павлова» [8, с. 138].

¹ Кировский поток — операция «лишние люди» (28.02.1935–27.03.1935), одна из первых крупномасштабных репрессивных операций в СССР, инициированная Сталиным в Ленинграде после убийства С.М. Кирова (01.12.1934). За один месяц из Ленинграда было выслано 39 000 «бывших»: представителей интеллигенции, священников, царских офицеров, присяжных поверенных, потомков дворянских родов и купеческого сословия. Семьи выселяли в течение 3–5 дней, а в годы Большого террора (1937–1938) большинство глав этих семей было расстреляно в местах ссылки.

Одно из уникальных свидетельств заступнической деятельности И.П. Павлова и Л.А. Орбели, пришедшее прямо из тюремной камеры, хранит в своей памяти писатель, поэт и журналист **Захар Львович Дичаров** (1912–2008), прошедший в лагерях и ссылках 19 лет. В 1937 г. студент 2-го курса исторического факультета Ленинградского государственного университета Дичаров был арестован и доставлен в тюрьму на Шпалерной. Его сокамерниками оказались

Петр Константинович Денисов. Подпись под фотографией: «В Ленинграде закончился XV Международный конгресс физиологов. Собравшиеся со всех концов света ученые поделились опытом своей работы, продемонстрировали свои достижения. Иностранцы единодушно отметили огромный рост советской науки и те необъятные возможности, которые открыты перед советскими учеными. На снимке: ассистент академика И.П. Павлова, работы которого стояли в центре внимания конгресса, — тов. П.К. Денисов — на прогулке с подопытными обезьянами — “Розой” и “Рафаэлем”. Фото Я. Халипо» [10]

Piotr Konstantinovich Denisov. Photo caption: “The XV International Congress of Physiologists ended in Leningrad. Scientists gathered from all over the world shared their experiences and demonstrated their achievements. Foreign scientists unanimously noted the tremendous growth of Soviet science and the immense opportunities open to Soviet scientists. In the picture: Academician Ivan Pavlov’s assistant, whose work was the focus of the congress — P.K. Denisov — on a walk with test monkeys — “Rosa” and “Rafael”. Photo by Ya. Halipo” [10]

гениальный физик, занимавшийся теорией гравитации, М.П. Бронштейн (1906–1938), режиссер А.Д. Диккий (1889–1955), инженер Н.Л. Капорский (1902–1937) и приматолог **Петр Константинович Денисов** (1899–1937), который был в камере вроде старосты. Дичаров вспоминал:

«Из всех, с кем я находился в камере, только имя Денисова было мне известно: большой ученый, физиолог, уже не один год изучающий поведение животных высшего порядка. В Колтушах, в институте Павлова, размещался обезьянник, где обитали <...> Рафаэль и Роза. О них самих, об исследованиях, которые вел Денисов, много и часто писали в газетах, и не только в советских. Эксперименты Денисова имели международную известность. На третий или четвертый день он рассказал мне <...> как сначала его подвергли высылке [в марте 1935 г. по «Кировскому потоку» в Алма-Ату], но *Павлов тут же дал телеграмму Молотову* [здесь и далее курсив — *Е.З.*] и его возвратили [Денисов, с докладом о высшей нервной деятельности антропоидов (шимпанзе) и фильмом «Роза и Рафаэль», был одним из главных участников знаменитого XV Международного физиологического конгресса, проходившего в августе 1935 г. в Ленинграде — прим. *Е.З.*]. Второй раз — уже после того как Павлова не стало, его отправили в ссылку вместе с семьей. Причем не как-нибудь, а с “почетом” — предоставили для личных вещей, мебели и прочего имущества целый вагон-теплушку. *Настойчивое требование Орбели, адресованное в правительство, возымело действие:* вагон вернули с полпути. В третий раз — вот эта тюремная камера. Этого сугубо интеллигентной наружности <...> ученого обвинили, как выяснилось на одном из допросов, длившихся всю ночь, в терроризме» [9, с. 139–140].

Л.А. Орбели, спасший в 1936 г. П.К. Денисова от высылки за связь с репрессированными «*бандитами из Академии наук*», среди которых были Н.А. Карев (1901–1936), Д.Б. Альтер (1906–1937), М.Я. Урановский (1896–1936) и С.Н. Седых (1893–1936) (с последним Денисов даже проживал в Ленинграде по одному адресу), в 1937 г. спасти приматолога не смог. П.К. Денисов, доживший в мае 1937 г. свои результаты по изучению высшей нервной деятельности антропоидов на Ученом совете в Физиологическом институте им. И.П. Павлова, что в то время могло считаться защитой докторской диссертации по совокупности трудов, через месяц был арестован. Колтушский приматолог, интеллигентный ученый, очень достойно державшийся на допросах и вначале отрицавший свою вину, в итоге признался «*в подготовке тер. акта против С.М. Кирова*» [11, л. 97]. Его приговорили

к высшей мере наказания 01.12.1937 и в тот же день расстреляли.

Сколько людей спас Л.А. Орбели в годы сталинского террора сегодня не знает никто. Абгар Леонович полагал, что дед спас не менее ста человек, а может быть, и больше. Сам Леон Абгарович, по мнению внука, считал свою гуманистическую деятельность одной из главных.

Среди документальных подтверждений — обнаруженные нами письма Л.А. Орбели в защиту Е.М. Крепса (1937—1940) и благодарственное письмо академику Орбели за досрочное освобождение военнопленного австрийца, офицера-врача, профессора **Конрада Лоренца** (1903—1996), будущего нобелевского лауреата по физиологии или медицине за открытия, связанные с созданием моделей индивидуального и группового поведения животных (1973), которую он получил совместно с австрийским зоологом Карлом фон Фришем и голландско-английским зоопсихологом Николасом Тинбергеном [12—14]. Это письмо Лоренца, основоположника этологии (науки о поведении животных), подколотое к научному трактату, известному теперь как «Русская рукопись» (Введение в сравнительное изучение поведения), было найдено кандидатом биологических наук, ведущим научным сотрудником Института естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Е.А. Гороховской в Российском государственном военном архиве в конце 1990-х годов и, написанное по-немецки, представлено в переводе автора:

«11/ХП 47

Глубокоуважаемый господин академик!

В свое время я написал Вам из Еревана и позволил себе обратиться к Вам за советом относительно моей сочиненной в плену книги. Я, несомненно благодаря Вашему любезному содействию, получил возможность здесь, в Красногорске, переписать на пишущей машинке эту рукопись, за что выражаю Вам мою огромную благодарность!

Я осмеливаюсь сегодня, в день моего возвращения домой, в Австрию, передать Вам копию рукописи! В случае, если Вы, господин академик, найдете время для чтения, я буду чрезвычайно благодарен за любую форму критики; так как книга написана “из головы”, то есть без использования какой-либо литературы, поводов для критики будет наверняка очень много!

Еще раз с огромной благодарностью,

Искренне преданный вам

Dr. K. Lorenz» [15, с. 540—541].

В верхнем левом углу письма Лоренц написал свой домашний адрес в Альтенберге. Однако архивных сведений о получении Орбели рукописи Лоренца нет, но точно известно, что «господин

академик» так и не узнал, что помог досрочному освобождению из плена не просто ученому, а будущему нобелевскому лауреату.

В июне 1946 г. младшего военврача вермахта Лоренца, попавшего в плен в 1944 г. под Витебском, перевели в лагерь для военнопленных № 115, находившийся в Армении. «Свой последний приют здесь, в армянской земле нашли около 1500 военнопленных, а вернуться домой удалось единицам» [16]. Лоренцу повезло: врач лагеря Григорьян, ортопед по специальности, хорошо знал работы отца Лоренца, знаменитого австрийского врача-ортопеда, и посоветовал его сыну, исполнявшему в лагере работу медика, написать ходатайство об освобождении Л.А. Орбели. Здесь Лоренц начал писать главный труд своей жизни. Уже будучи признанным маститым ученым, «он признавал, что пребывание в плену позволило ему точнее сформулировать для себя *теорию агрессии, как неизбежного зла*, которое является базовым инстинктом животного и человека» [16], отметив «со свойственным ему чувством юмора: “Пресловутое недостающее звено между обезьяной и цивилизованным человеком — это как раз мы!”» [16].

Книга была написана в плену сначала за неимением чернил — раствором марганцовки на бумаге из-под мешков с цементом, затем — в ученических тетрадах и была перепечатана Лоренцем на машинке после его перевода по ходатайству Орбели в «элитный» лагерь для антифашистов под Красногорском. Оттуда Лоренцу разрешили вывезти рукопись без надзора цензуры, под «честное слово» начальству лагеря о том, что рукопись (на немецком) абсолютно научна, и этапировали ученого домой в Австрию.

В своей нобелевской речи «Лоренс признавался, что никогда более — ни до, ни после — он не сталкивался с ситуацией, когда “честное слово” оказывалось бы столь действенным! Ему дали буквально полчаса на сборы и сразу же этапировали вместе с рукописной монографией по цепи лагерных пунктов до Альтенберга, безо всякого письменного документа, только с устных слов начальнику Красногорского лагеря, которое его конвоиры передавали каждому следующему начальнику...» [16].

Документальные свидетельства заступнической деятельности Л.А. Орбели представлены в книге «Е.М. Крепс и его время» [4], триггером к написанию которой и послужили письма-ходатайства Л.А. Орбели в защиту Е.М. Крепса, приговоренного «за контрреволюционную деятельность» к 5 годам исправительно-трудового лагеря Колымы. Эти ходатайства, написанные в страшной атмосфере террора, — памятник мужеству и гражданственности самого Леона Абгаровича, ставшего символом способности человеческого

духа противостоять силам зла. Нельзя не восхищаться смелостью и благородством Орбели, письма которого до 2018 г. никто, кроме адресатов, не читал. Они являют собой свидетельство о подвиге учителя, бесстрашно спасавшего ученика и соратника — ведь сам Л.А. Орбели страшно рисковал при каждом обращении в «органы». После безуспешных обращений к Л.М. Заковскому (комиссару государственной безопасности I ранга, лично участвовавшему в допросах, пытках, расстрелах, но арестованному 19 апреля 1938 г. по обвинению в создании латышской контрреволюционной организации в НКВД, а также в шпионаже в пользу Германии, Польши и Англии, и расстрелянному 29 августа того же года), а также к А.Я. Вышинскому и Л.П. Берии, Орбели пишет К.Е. Ворошилову (письмо без даты, предположительно 1939 г., так как в письме упоминается Заковский как «враг народа»):

*«Академик Орбели
Народному комиссару обороны
Маршалу Советского Союза
тов. Ворошилову К.Е.*

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

В течение ряда лет, начиная с 1929 г., ВМА им. С.М. Кирова совместно с краснознаменной Экспедицией подводных работ особого назначения (ЭПРОН)¹ и Учебным Отрядом подводного плавания (УОПП) разрабатывала вопросы, связанные с изучением и улучшением условий работы водолазов и подводников. Результатом этих работ явилось значительное углубление предела водолазных работ, создание в РККА специальных частей «водников», разработка режима выходов с больших глубин и наставления по индивидуальному спасательному делу, создание при УОПП специальной лаборатории для изучения выхода с глубин, введение на вооружение специальных кислородных аппаратов (типа ИПА в РККА и ИСА в ВМФ), практическое осуществление выходов из под колокола и подводных лодок через рубку и торпедный аппарат с больших глубин в условиях открытого моря, наконец, спуски людей под воду и входы их в лежащую подводную лодку. Своего высшего развития эти работы достигли в 1935, 1936 и 1938 гг., когда специально созданная комиссия из работников ВМА, ЭПРОНа и УОПП под моим председательством провела ряд обширных практических работ и учений в Черном море и дала выход в практику предварительным лабораторным исследованиям по индивидуальному

спасательному делу. В настоящее время встает вопрос об испытании выходов и входов не только с целью спасения команд при авариях, но и с целью выполнения тактических заданий. Все это большое дело могло быть осуществлено только благодаря энтузиазму участников комиссии, самоотверженной напряженной работе преподавателей ВМА, УОПП, врачей специалистов и водолазов ЭПРОН.

Среди этих лиц *первое место по научной подготовке, по степени участия в работе, инициативе, активности, самоотверженности, принадлежит профессору Евгению Михайловичу Крепсу, который первый у нас вступил на путь объединения теоретической и лабораторной работы и разрешения главнейших практических вопросов водолазного дела.* С 1929 по 1936 г. он был незаменимым участником всех работ, сначала в Баренцевом, потом в Черном море, был моим заместителем по председательствованию в комиссии по проведению как лабораторных исследований, так и работ в условиях открытого моря. *Профессор Крепс все первые, наиболее опасные опыты проводил на себе и испытал все трудности и опасности, связанные с этим новым делом. Дважды нам пришлось вырывать Крепса из рук смерти. Только его редкая энергия, самоотверженность и глубокие научные знания помогли нам достичь тех успехов, которые мы сейчас имеем.*

В 1936 г. я через начальника ВМА РККА ходатайствовал о награждении его Орденом «Красной Звезды». Будучи крупным научным авторитетом и образцовым работником, Крепс вместе с тем пользовался репутацией прекрасного общественника и вполне советского человека.

И вот весной 1937 г. он был арестован органами НКВД.

Будучи уверен, что тут какая-то ошибка, я бросился к Ленинградским органам Гос. Безопасности, но *Заковский*, впоследствии оказавшийся врагом народа, не захотел откликнуться.

Постановлением Особого Сопределения при НКВД СССР Крепс был приговорен к 5 годам содержания в исправительно-трудовых лагерях. По моей просьбе Прокурор Союза *Вышинский А.Я.* затребовал дело Крепса для личного ознакомления и, *убедившись в отсутствии состава преступления, послал дело на исследование, продолжавшееся больше года.* Получив, наконец, весь дополнительный материал, тов. А.Я. Вышинский опять-таки не нашел состава преступления и *направил дело в НКВД на пересмотр.* В настоящее время

¹ ЭПРОН — специальная организация в СССР для подъема затонувших судов и проведения аварийно-спасательных работ. Создан 17 декабря 1923 г. для поиска, затонувшего в районе Балаклавы (Крым) в 1854 г., английского парохода «Черный принц» с предполагавшимся большим грузом золота на борту. С 1929 г. организация занималась спасением судов, терпящих бедствие. За время своей деятельности ЭПРОН поднял 450 и спас от гибели 188 судов.

дело у Прокурора Союза, но не дошло до рассмотрения в Особом Совещании НКВД.

Я обратился с письмом к Народному комиссару Внутренних дел тов. *Л.П. Берии* с просьбой обратить особое внимание на это дело, ввиду большой ценности профессора Крепса, как большого ученого и советского гражданина, но ответа пока не имею.

По понятным причинам, я не могу писать ни тов. Вышинскому, ни тов. Берии о той работе, которую проделал Крепс, я должен был ограничиться лишь указанием на то, что он проводил работы оборонного значения.

Дорогой Климент Ефремович!

Вы один можете оценить значение этого дела, над которым работал вместе со мной Крепс. **Вы один** можете представить себе трудности, которые ему пришлось преодолеть. **Вы один** имеете право объяснить роль Крепса в повышении обороноспособности нашего Союза тем товарищам, от которых зависит его судьба. **Вы один** смее-те поднять голову в защиту человека, который по недоразумению на почве какого-то оговора и клеветы томится уже два года в Заключение с позорным клеймом контрреволюционера, вместо заслуженной награды.

Я надеюсь, что **Вы** поймете мое стремление сохранить стране ценного человека и граждани-на и поможете в этом.

С глубоким уважением, Л. Орбели»
[4, с. 147–150].

Из этого письма было непонятно, почему только «**один**» Ворошилов, как было указано в ходатайстве Л.А. Орбели четыре раза (!), может понять и спасти для науки Крепса.

Разгадка открылась в беседе с Евгением Роальдовичем Крепсом, внуком старшего брата Евгения Михайловича, Германа Михайловича Крепса (1896–1944), известного геоботаника, зоолога и этнографа [17], которому «дед Жэка» рассказывал о приезде Ворошилова с комиссией в ЭПРОН: «Во-первых, работы в ЭПРОНе были засекречены и о них могли знать только относящиеся к оборонке военные. Во-вторых, Ворошилов лично знал Крепса: он присутствовал во главе проверяющей комиссии на одном из подъемов затонувшего судна, которым руководил Евгений Михайлович. Когда судно было успешно поднято и все работы завершены, Климент Ефремович сказал изумленному Крепсу: “А Вы, Крепс, плохой командир! Все делали сами, тогда как командир должен командовать другими!”» [4, с. 150]. То есть, К.Е. Ворошилов, получив письмо Л.А. Орбели и зная Крепса не понаслышке, должен был прекрасно понимать ценность заключенного ученого. Но это ходатайство Леона Абгаровича,

как и многие другие, было оставлено без внимания.

После многократных ходатайств академика Л.А. Орбели, 27.02.1940 дело по обвинению Крепса было пересмотрено Особым совещанием при НКВД и заключение в исправительно-трудовой лагерь заменено на запрещение проживания в Москве, Ленинграде и Киеве до 25.02.1942.

Как произошла встреча Л.А. Орбели и Крепса, вернувшегося с Колымы, мы узнали от профессора Н.Н. Наливаевой, ученицы Евгения Михайловича, которая услышала рассказ шофера Орбели на поминках после похорон Крепса: «Однажды тот отвез Леона Абгаровича домой и увидел истощенного человека в арестанском бушлате, искавшего квартиру Орбели. Шофер подсказал ему номер квартиры, а сам, на всякий случай, пошел следом. Дверь открыл сам Орбели и человек в арестанской робе упал перед ним на колени. Это был Евгений Михайлович Крепс» [4, с. 68], человек, по воспоминаниям сотрудников своего Института, чрезвычайно гордый.

В мае 1941 г., перед самой войной Л.А. Орбели снова обращается к Берии с просьбой о «полной реабилитации Крепса и снятия судимости и ограничений на оставшийся последний год» [4, с. 157–158]. Это ходатайство было удовлетворено не полностью и только перед окончанием войны: из Следственного дела Крепса мы узнали, что проживать свободно на территории СССР ему было разрешено с 07.10.1944 г., причем **без снятия судимости**, что беспокоило Л.А. Орбели и о чем перед войной он безуспешно ходатайствовал перед главой НКВД (в то время без справки о реабилитации устроиться на работу было практически невозможно). Леон Абгарович устроил Е.М. Крепса в Физиологический институт им. И.П. Павлова АН СССР на прежнюю должность старшего научного сотрудника и заведующего Лабораторией сравнительной физиологии. В 1960 г. Е.М. Крепс станет директором Института эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР, основанного в 1956 г. Л.А. Орбели. Евгений Михайлович был **реабилитирован только посмертно — в августе 1989 г.**, в так называемый широкий «реабилитанс».

В интернете нам удалось найти немногочисленные воспоминания родственников репрессированных сотрудников Орбели. Из интервью геоботаника **Евгения Львовича Аренса** (1921–2011) А. Чупрову (01.05.2011) мы узнали, что его отец, биолог, педагог, поэт и литератор **Лев Евгеньевич Аренс** (1890–1967) [18] был арестован по «Кировскому потоку» 28 февраля 1935 г.: «Папе дали пять лет. В лагере он был на хорошем счету и работал по специальности. Срок он отбывал недалеко, в Медвежьей Горе.

Там он изучал пастбища рогатого скота. <...> Там находились в основном люди из интеллигентных семей, хорошо образованные. Это были художники, ветеринары... <...> после освобождения, они еще долго дружили и переписывались. <...> Когда в 1939 году папу освободили, ему очень помог академик Орбели. Он не побоялся взять папу на работу. После ссылки папе было запрещено жить в Ленинграде, и академик его устроил работать в Хоперский заповедник» [19].

Лев Евгеньевич Аренс был из рода немецких дворян, прибывших в Россию при Екатерине Второй. За 5 лет заключения в исправительно-трудовом лагере ему была разрешена одна встреча с женой и старшим сыном. Его жена была выслана на поселение с маленьким сыном в Астрахань. Двух сыновей-школьников взяли на воспитание сестры Аренса. Срок отбыл полностью и день возвращения, 15 июля 1939 г., он праздновал как второй день своего рождения. На Биостанции в Колтушах Л.Е. Аренс работал в 1939–1940 гг. в Лаборатории биологии насекомых профессора **Сергея Ивановича Малышева** (1884–1967), своего друга, с которым они были знакомы с 1918 г. по работе в Институте им. П.Ф. Лесгафта. Условия работы были непростыми: «поповско-дворянское гнездо» — так характеризовал проверяющий (по доносу) работу организаторов заповедника, поскольку С. Малышев был сыном священника, а Л. Аренс — генерала. Евгений Иванович Аренс, отец Льва Евгеньевича, — автор первого учебника по истории Российского флота, флигель-адъютант Николая Второго и начальник отряда императорских яхт, возглавлял Комиссию по написанию истории Морского Гвардейского экипажа, в который зачисляли только детей дворян. В семье Аренса Л.А. Орбели почитали особо — его портрет висел в гостиной сына Льва Евгеньевича, Евгения Львовича, рядом с портретами предков и гравюрой клипера «Стрелок», на котором гардемарин Лев Евгеньевич Аренс совершил кругосветное путешествие, окончив Военно-Морское училище.

В начале 1943 г. сына Л.Е. Аренса, Женю, взяли в армию, хотя по состоянию здоровья он был нестроевым, но в это время мужские резервы в армии были уже исчерпаны. Был дважды ранен. После госпиталя, получив отпуск, он поехал к родителям. Е.Л. Аренс вспоминал в частной беседе, что снова помог Л.А. Орбели (!): «Потом было письмо к академику Орбели, в котором меня рекомендовали к зачислению в Военно-Медицинскую Академию. Зимой 1943–44 годов по этому письму я приехал в Ленинград и поступил в Военно-Медицинскую Академию. Числился студентом и сотрудником академика Орбели на кафедре Физиологии...». Евгений Львович Аренс,

немного не доживший до своего 90-летия и совершенно ослепший, по воспоминаниям друзей, всегда произносил имя Леона Абгаровича с благоговением.

Про спасение из тюрьмы Леоном Абгаровичем своей ученицы, физиолога **Цили Львовны Янковской** (1901–1996), известно из книги воспоминаний «Ровесница века», опубликованной в 2018 г. ее дочерью [20]. Муж Цили Львовны, Рафаил Акивович Янковский, заместитель директора Ленинградского Института философии АН СССР, был расстрелян в г. Алма-Ате 9 октября 1937 г.

Из лагерных воспоминаний **Гедды Оттовны Выржиковской**, жены репрессированного директора Биостанции в Колтушах, **Станислава Николаевича Выржиковского** (1896–1937), известно, что «Леон Абгарович, пытаюсь спасти арестованных сотрудников, бесстрашно посещал Большой дом [Литейный пр., 4], где ему однажды посоветовали заходить туда пореже, пригрозив этапом» [21]. С.Н. Выржиковского приговорили к высшей мере наказания 01.10.1937 и через 5 дней расстреляли [22]. Обвинительное заключение было составлено через три недели после расстрела (!), 29.10.1937, а утверждено — еще месяц спустя, 24.11.1937 [2]. В эти дни в Ленинграде по секретным «национальным» приказам расстреливали до 1000 человек в день [23], и в НКВД не успевали штамповать обвинительные заключения.

Гедда Оттовна, в девичестве Зевальд, была сестрой физиолога Льва Оттовича Зевальда, ученика И.П. Павлова и сотрудника Л.А. Орбели (известно, что Зевальды и Орбели дружили семьями). Она была арестована беременной 02.10.1937 как член семьи изменника Родины и приговорена к 5 годам исправительно-трудового лагеря в Казахстане, где работала в конторе «Заготзерно». Мальчик, родившийся в мае 1938 г., умер от голода — молока не было. В марте 1942 г. к матери в Казахстан привезли из блокадного Ленинграда сына, Герда Станиславовича, больного тифом, с дистрофией 3-й степени (опекунство над внуком 8 лет в 1937 г. было оформлено отцом Гедды Оттовны).

В 1944 г., по ходатайству Л.А. Орбели и Л.О. Зевальда, Гедда Оттовна с сыном прибыли в Казань — место эвакуации Академии наук и сотрудников Л.А. Орбели. Там она узнала, что автором диссертации мужа, оппонентом которой был сам И.П. Павлов (!), стал другой человек. Однако Выржиковским разрешалось жить только за 120 км от Казани, в Волжске, где Гедда Оттовна работала преподавателем немецкого языка. Герда, окончившего техникум, в институт не приняли как сына «врага народа» [21]. В 1957 г. супруги Выржиковские «ввиду

И.П. Павлов (в центре) и его соратники перед игрой в городки, Колтуши (27.09.1929). Слева-направо: С.Н. Выржиковский, Р.А. Мерцен (завхоз Биостанции в Колтушах), Л.О. Зевальд, В.И. Павлов, А.Д. Сперанский, Г.О. Выржиковская, И.С. Розенталь, И.П. Павлов, Г.В. Скипин, М.К. Петрова, Ф.П. Майоров, Л.Н. Федоров, А.Н. Потемкин (шофер И.П. Павлова) [24]

I.P. Pavlov (centre) and his comrades-in-arms before a game of skittles, Koltushi (27.09.1929). From left to right: S.N. Vyrzhikovskiy, R.A. Merzen (foreman of the Biological Station in Koltushi), L.O. Zevald, V.I. Pavlov, A.D. Speransky, G.O. Vyrzhikovskaya, I.S. Rosenthal, I.P. Pavlov, G.V. Skipin, M.K. Petrova, F.P. Mayorov, L.N. Fedorov, A.N. Potemkin (driver of I.P. Pavlov) [24]

отсутствия состава преступления» были реабилитированы.

Из Следственного дела жены репрессированного колтушского приматолога П.К. Денисова, Анны Поликарповны Гуль, арестованной как член семьи изменника Родины, мы узнали, что 10 декабря 1937 г. на допросе по ее делу свидетель **Леонид Григорьевич Воронин** (1908–1983), заместитель директора Биостанции, член ВКП(б), секретарь Вузовского партколлектива и пропагандист по партийной линии, охарактеризовал Л.А. Орбели как «мягкотелого человека, который систематически после ареста своих сотрудников ходил и просил об их освобождении» [25, л. 28]. Фактически это был донос бывшего аспиранта (Л.Г. Воронина) на своего учителя и руководителя диссертации, который считал доброту и мужество Леона Абгаровича «мягкотелостью». И такой «сигнал», наверняка, был не единственным. А на печально знаменитой «Павловской сессии», физиолог Л.Г. Воронин критиковал своего учителя за «наличие случайных тем, не связанных друг с другом... и безыдейную организацию работы (в колтушском институте), где культивировались серьезные недостатки <...> потому, что деловая большевистская принципиальная критика была очень редким явлением» [26, с. 392–396].

Леон Абгарович Орбели, входивший в первую генерацию учеников И.П. Павлова, был

его правой рукой. Его репутация в научных кругах была очень высокой, и не только среди советских ученых, но и в западном мире. Необыкновенная образованность и широта интересов, доброжелательность, порядочность и честность наряду с обаянием привлекали к нему людей. Избранный действительным членом Академии наук СССР (1935), Орбели был введен в президиум Академии (1939), затем стал академиком-секретарем Биологического отделения (1939–1948) и вице-президентом АН СССР (1942–1946), начальником ВМА им. С.М. Кирова (1943–1950), действительным членом и членом Президиума АМН СССР (1944), Героем Социалистического Труда, награжденным орденом Ленина (1945). Наряду с теоретическими исследованиями он возглавлял и прикладные — под его руководством в 1930-х годах изучались возможности человеческого организма в экстремальных условиях (летчики, водолазы, альпинисты). Эти работы имели оборонное значение и привлекли к себе внимание Сталина. Орбели было присвоено звание генерал-полковника медицинской службы (1944) — наивысшее для военврача. Среди признанных фундаментальных достижений его школы — выявление адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы (феномен Орбели — Гинецинского), создание нового представления

о функции мозжечка как регулятора вегетативных функций организма, исследование взаимодействия афферентных систем, изучение влияния подкорковых центров на функциональное состояние коры головного мозга, исследование физиологии и патологии высшей нервной деятельности человека, разработка проблемы боли и физиологии анализаторов [27–32]. Поддержка Орбели много значила для развития практически всех направлений биологической науки, в особенности физиологии. Сотни ученых были обязаны ему своим выдвижением.

В августе 1948 г. состоялась сессия ВАСХНИЛ, на которой «мичуринец» Т.Д. Лысенко «разгромил» классическую генетику — так называемый «менделизм-морганизм». Разгром был санкционирован Сталиным, о чем Орбели, конечно, знал. Леон Абгарович не появился ни на одном заседании сессии, хотя положение академика-секретаря Биологического отделения АН СССР к этому обязывало, показав этим свое отношение к Лысенко.

От Л.А. Орбели потребовали изменить план генетических исследований и пересмотреть состав своих сотрудников, вплоть до увольнения генетиков И.И. Канаева и Р.А. Мазинг. Орбели не только не сделал этого, но проявив немалое мужество, ввел в свой штат уволенного из Ленинградского университета генетика М.Е. Лобашова. Однако в Колтушах был снят с пьедестала бюст Г. Менделя и прекращена работа с дрозофилами.

В 1950 г. с 28 июня по 4 июля состоялась Научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, вошедшая в историю как «Павловская» сессия двух академий. Она проводилась по образу и подобию сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Подготовкой этой сессии также лично руководил Сталин, о чем свидетельствует его письмо Юрию Андреевичу Жданову, заведующему отделом науки ЦК партии и своему зятю, написанное в октябре 1949 г., после широко отмеченного в стране 100-летнего юбилея И.П. Павлова. Это малоизвестное письмо Сталина [32] представляло собой руководство по подготовке сессии двух академий с целью уничтожить Орбели и его физиологическую школу руками самих же физиологов, с наказом «противников надо бить наверняка с расчетом на полный успех»:

«Товарищу Жданову Ю.А.

Получил Ваше письмо об академике Павлове и его научном наследстве. Я рад, что Вы взялись за дело академика Павлова. У меня нет разногласий с Вами ни по одному из вопросов, возбужденных в Вашем письме. Ваша оценка теории великого русского ученого, как и оценка его противников — совершенно правильны.

По-моему, наибольший вред нанес учению академика Павлова академик *Орбели*, который фарисейски именуя себя главным учеником Павлова, сделал все возможное и невозможное для того, чтобы своими оговорками и двусмысленностями, бесчестным замалчиванием Павлова и трусливо замаскированными вылазками против него развенчать Павлова и оклеветать его. Чем скорее будет разоблачен Орбели, и чем основательнее будет ликвидирована его монополия, тем лучше.

Беритов и *Штерн* не так опасны, так как они выступают против Павлова открыто и тем облегчают расправу науки с этими кустарями от науки. Наиболее верным и толковым последователем Павлова следует считать академика *Быкова*. Правда, он, кажется, несколько робок и не любит «лезть в драку». Но его надо всемерно поддержать и, если у него хватит мужества, нужно устроить дело так, чтобы он полез в драку, объяснив ему, что без генеральной драки нельзя отстоять великое дело Павлова.

Я согласен с Вашими выводами и даже готов возвести их в куб.

Теперь кое-что о тактике борьбы с противниками теории академика Павлова. Нужно сначала *собрать втихомолку* сторонников академика Павлова, организовать их, *распределить роли* и только после этого собрать то самое совещание физиологов, о котором Вы говорите, и где нужно будет *дать противникам генеральный бой*. Без этого можно провалить дело. Помните: *противника нужно бить наверняка с расчетом на полный успех*.

Хорошо было бы заручиться поддержкой Вавилова и других академиков. Также хорошо было бы иметь на своей стороне министра здравоохранения Смирнова. Недели две тому назад я имел беседу со Смирновым, и мне кажется, что он поддержит это дело.

6 октября 1949 г.

Привет (*И. Сталин*)» [33, с. 535–536].

В своем письме Сталин имел в виду президента Академии наук СССР, академика **Сергея Ивановича Вавилова** (1891–1951), брата погибшего в саратовской тюрьме от голода в январе 1943 г. выдающегося генетика и селекционера, академика **Николая Ивановича Вавилова** (1887–1943), мечтавшего накормить свою страну. Назначенный председателем сессии, С.И. Вавилов был вынужден участвовать в охоте на ведьм, которая называлась «Павловской сессией» двух академий и оправдал надежды Сталина, разворачивая «научную» сессию, когда речь заходила о науке, в сторону критики и самокритики выступавших. В своем вступительном и заключительном слове С.И. Вавилов славил «корифея всех наук товарища Сталина».

Что это время стоило самому С.И. Вавилову, пережившему сессию всего на полгода и умершему от разрыва сердца, свидетельствовали рубцы предыдущих инфарктов на его сердце, обнаруженные при вскрытии.

К нашему удивлению, выступления **Ефима Ивановича Смирнова** (1904–1989), генерал-полковника медицинской службы (1943), начальника Главного военно-медицинского управления Вооруженных сил СССР (1946–1947) и министра здравоохранения (1947–1952) [начальник ВМА им. С.М. Кирова (1953), начальник управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР (1953–1955), Герой Социалистического Труда (1978), награжденный семью орденами Ленина и тремя орденами Красного Знамени], на сессии не было [26]. Из интервью 1988 г. генерал-полковника медицинской службы Е.И. Смирнова М.Г. Ярошевскому мы узнали, что летом 1949 г. Сталин не просто звонил Смирнову, а вызвал его, лечившегося тогда в железноводском санатории, на дачу в Сочи, где Ефим Иванович «провел трое суток в беседах с ее хозяином». Речь, в частности, шла «о пользе научных дискуссий. В данном случае — в физиологии. Смысл заключался в том, чтобы расправиться с Орбели и другими независимо мыслящими учеными» [34, с. 76].

Сталину важно было заручиться поддержкой не просто министра здравоохранения, а генерал-полковника медицинской службы Смирнова. Это наивысшее звание военврача в Вооруженных силах, присвоенное во время войны, на тот момент носили всего два врача — Е.И. Смирнов и Л.А. Орбели. Третий — Н.Н. Бурденко (1876–1946), главный хирург Красной Армии, — скончался от инсульта в 1946 г.

Сталин не мог простить Орбели демонстративного поведения в период сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда тот, будучи академиком-секретарем Биологического отделения АН СССР (1939–1948), посмел на сессию не явиться, и поста этого лишился.

«В завершение беседы Сталин дал поручение организовать дискуссию по физиологии, адресовав записку Г.М. Маленкову, Ю.А. Жданову и Е.И. Смирнову. Сталину был присущ патологический страх перед независимой мыслью, перед любым проявлением личности в человеке. В великой стране единственной великой личностью и корифеем всех наук должен был быть один Сталин, который хорошо разбирался в психологии своего окружения, знал, на какие пружины нажать после того, как в 1937–1938 гг. летели головы одна за другой. В дискуссиях, прокатившихся по стране, проявился сталинский стиль организации — все участники знали главного организатора и режиссера дискуссий» [34, с. 78].

Между двумя генерал-полковниками, Е.И. Смирновым и Л.А. Орбели, было огромное взаимное уважение и товарищество, проверенное годами и войной: еще будучи студентом ВМА, Смирнов слушал лекции Орбели на кафедре физиологии, а во время войны как начальник Главного военно-санитарного управления он входил в руководимое Леоном Абгаровичем Бюро Военно-санитарной комиссии Академии наук. В опальные для Орбели годы Е.И. Смирнов дважды подставлял Леону Абгаровичу плечо: в 1949 г. предложил Орбели заведование кафедрой физиологии и патологии высшей нервной деятельности Ленинградского ГИДУВа [35], а после «Павловской» сессии разрешил работу Орбели с сотрудниками по проблемам развития рефлекторной деятельности ребенка в клинике А.Ф. Тура, профессора Ленинградского педиатрического института [36].

Заболев (а, может, сказавшись больным), Е.И. Смирнов в подготовке сессии не участвовал и доклад Быкова прочитал, лежа в больнице: «Критика Орбели была воспринята мной как несправедливая. Я знал Орбели, как преданного ученика Павлова. Он был не только выдающийся ученый, но и замечательный организатор науки. По моему представлению его назначили начальником ВМА» [34, с. 80].

1 января 1953 г. Е.И. Смирнов был освобожден от должности министра здравоохранения за проявленную «политическую беспечность» в связи с «делом врачей» [37].

От неминуемого ареста обоих генерал-полковников спасла смерть Сталина.

С основными докладами на сессии двух академий выступили академики, «истинные павловцы»: К.М. Быков (1886–1959), А.Г. Иванов-Смоленский (1895–1982), Э.Ш. Айрапетьянц (1906–1975), И.П. Разенков (1888–1954) и Э.А. Асратян (1903–1981).

«Это было хорошо организованное мероприятие... В сессии участвовали только сильные мира сего. Ученые, ехавшие на сессию, знали, что должны говорить. Закономерно, что в качестве жертвы был выбран Орбели. По сравнению с ним все остальные были настолько малы, что критика этих ученых не произвела бы столь устрашающего действия. Я считаю [эту сессию] позорней сессии ВАСХНИЛ, где тон задавали невежды и проходимцы. Здесь же одна и та же великая наука использовалась для уничтожения других ее ветвей. <...> Все, чем Павлов не занимался, объявлялось антинаукой» [38, с. 183–184].

Вслед за докладами в дискуссии выступил 81 оратор из 209 записавшихся. Остракизму подверглись академик И.С. Бериташвили (Беритов), снятый после сессии со всех постов, академик Л.С. Штерн (уже сидевшая на Лубянке по делу

Еврейского антифашистского комитета), профессор П.К. Анохин, академик А.Д. Сперанский, которому не помогла даже личная дружба с Лысенко. Главный удар был направлен на Л.А. Орбели, бить по которому «нужно было наверняка», чтобы очистить место для «настоящих павловцев». Леон Абрамович — общепризнанный глава павловской школы — был «разоблачен» как антипавловец. Больше всего ему было слышать предательство из уст своих учеников.

Мало кто был обязан Леону Абгаровичу, как Э.А. Асратян. Еще в 1920-е годы Орбели помог аспиранту из Еревана перебраться в Ленинград, принял в свою лабораторию и рекомендовал И.П. Павлову. Под руководством Орбели Асратян выполнил 18 исследований. Орбели высоко оценил его докторскую диссертацию и рекомендовал в члены-корреспонденты Академии наук. А в 1950 г., на «Павловской» сессии, Асратян безжалостно обрушился на учителя. Он же стал соредактором вместе с Э.Ш. Айрапетьянцем изданной стенограммы Павловской сессии.

В результате сессии Л.А. Орбели был освобожден от всех своих высоких научных и административных должностей. За ним оставили лишь небольшую лабораторию физиологии с четырьмя сотрудниками в Институте имени П.Ф. Лесгафта, входившем в состав Академии педагогических наук.

Символический эпизод тех лет описан биофизиком и историком науки **Симоном Эльевичем Шнолем (1930–2021)** в его бессмертной книге «Герои, злодеи, конформисты Российской науки», выдержавшей уже пять переизданий: «После триумфа павловского учения победители разбирали должности и звания. На заседании биологического отделения Академии наук СССР происходили выборы в академики. Баллотировался чл.-корр. Э.А. Асратян в действительные члены. Его заслуги с трибуны в пышных выражениях живописали перед голосованием члены отделения — академики. Выступили почти все. После вскрытия урны с бюллетенями оказалось, что все против! Каждый надеялся, что хоть один будет “за”» [39, с. 575]. Как говорил Ланцелот в пьесе

Е. Шварца «Дракон»: «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником...?»

Сопредседателем на «Павловской» сессии был академик АН СССР и АМН СССР профессор **Н.Н. Аничков (1885–1964)**, генерал-лейтенант медицинской службы и президент АМН СССР (1944–1953). В своем докладе он не опустил до критики Л.А. Орбели [26, с. 489–492], но позже, сожалея, что не выступил в его защиту, говорил историку науки В.Л. Меркулову в 1963 г.: «Жили мы в страшное время, все боялись, стали трусами и подлецами. Вот я любил и уважал Леона Абгаровича Орбели. Его критиковали, унижали, оплевывали! Я слушал речи критиков и боялся выступить в его защиту. Был я — подлецом» [40].

Директор Воронежского медицинского института **Дмитрий Андреевич Бирюков (1904–1969)**, советский физиолог и будущий академик АМН СССР (1962), активно участвовал в «Павловской» сессии [26, с. 95–112], особенно критикуя Орбели на IV (1951) и VIII (1952) сессиях Научного совета по проблемам физиологического учения Павлова [36]. Д.А. Бирюков был назначен директором ИЭМ (1950–1969), заместив на этом посту прекрасного ученого и настоящего гражданина **Дмитрия Николаевича Насонова (1895–1957)**, подписавшего знаменитое «**Письмо тринадцати**»¹ против О.Б. Лепешинской, за что в результате решений объединенной сессии был снят с поста директора (1948–1950) и уволен из ИЭМ [41]. В 1955 г., проявив гражданское мужество, Д.Н. Насонов вторым номером подписал знаменитое «**Письмо трехсот**»² ученых против Т.Д. Лысенко [4, с. 201–241]. В 1956 г. Д.Н. Насонов, получивший ранение при обороне Ленинграда, за год до безвременной смерти организовал Цитологический институт АН СССР.

Академик Е.А. Корнева в своих воспоминаниях о Д.А. Бирюкове писала: «Дмитрий Андреевич был человек совестливый. Сессия 1950 г. знаменита тем, что многих ученых заставили выступать против известных исследователей, академиков Леона Абгаровича Орбели и Лины Соломоновны Штерн, потому

¹ «Письмо тринадцати» ученых против О.Б. Лепешинской было опубликовано в газете «Медицинский работник» от 07.07.1948 под названием «Об одной ненаучной концепции». Среди подписавших письмо были в основном ученые ИЭМ, самые известные специалисты в области цитологии и гистологии: академик АМН СССР Н.Г. Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР В.А. Догель и Д.Н. Насонов, член-корреспондент АМН СССР П.Г. Светлов, профессора В.Я. Александров, Ю.И. Полянский, П.В. Макаров, Н.А. Гербицкий, З.С. Кацнельсон, Б.П. Токин, Ш.Д. Галустян, доктора биологических наук А.Г. Кнорре и В.П. Михайлов. Характеристика, данная ими Лепешинской, была уничтожающей: «...автор весьма слабо знаком с биологией вообще и с особенностями изучаемых ею объектов в частности <...> Ненаучная книга Лепешинской — досадное пятно в советской биологической литературе».

² «Письмо трехсот» — коллективный массовый протест советских ученых в Президиум ЦК КПСС с жесткой критикой деятельности Лысенко (1955), был впервые опубликован в «перестройку» в 1989 г. в газете «Правда». Письмо подписали 297 академиков, докторов и кандидатов наук.

что они занимались физиологией, но не павловской, а другой линией, очень важной, но другой. Был устроен разгром, Л.А. Орбели выгнали с работы, то есть было сделано то же, что ранее с генетиками. Д.А. Бирюков попал в число тех, кому было предписано выступить против. Многие не хотели выступать, но вынуждены были согласиться, он был среди этих людей, потому что ценой была почти жизнь, может быть, его и не убили бы за это, но наверняка уж лишили бы возможности работать. Он сказал мягче других и только о работах Р. Вирхова и Л.С. Штерн, но все-таки сказал и никогда не мог себе этого простить.

После сессии он тут же пригласил Л.А. Орбели, изгнанного отовсюду, работать в нашем институте, а на следующий день был вызван в обком, где ему устроили выволочку: не имел он права звать человека, которого отовсюду выгнали. Л.А. Орбели, со своей стороны, отказался работать в институте человека, который выступал на сессии. Так оба крупных ученых себя повели, и для каждого это был поступок.

Когда Л.А. Орбели скончался, я, уходя на похороны, предупредила Дмитрия Андреевича, что хотела бы почтить память Леона Абгаровича: *“Конечно, идите, а я даже на это не имею права”*. Он очень хорошо помнил, что был вынужден выступить на сессии. И перед смертью, буквально за пару дней, снова вернулся к этой теме в разговоре со мной. Вообще, он вел со мной серьезные разговоры, не знаю, как с другими. Сказал: *“Ты знаешь, не могу себе простить, что выступал тогда на сессии, это большой грех”*. Я ответила, что его можно понять, такое было время, Вас заставили, как и многих других. *“И все-таки это было”*, — не мог простить себе выступления до конца дней. Совесть — не частая черта людей, что демонстрирует нам жизнь» [42, с. 133–134].

Были и другие воспоминания о Д.А. Бирюкове, физиолога М.А. Аршавского: «После сессии, в 1953 году, когда началось “дело врачей”, я и моя жена целый год были без работы, находясь в крайне бедственном положении. Однажды ко мне явился Бирюков и сказал: “Если ты напишешь критическую разгромную статью об Орбели или об Анохине, то твою лабораторию восстановят, я уже обо всем договорился”. Моя жена сказала: “Дмитрий, чтобы больше твоей ноги не было в нашем доме”. Тогда Бирюков показал нам список лиц, физиологов, работы которых не рекомендовалось цитировать не только у нас в стране, но и в странах народной демократии. Моя фамилия была одной из первых» [43, с. 242].

Коммунист Э.Ш. Айрапетянц, зам. директора ЛГУ и ученик А.А. Ухтомского, играл ведущую

роль при подготовке Павловской сессии, написав речь академику К.М. Быкову, которую правил сам Сталин. Он был одним из тех, кто был обязан своей *жизнью* Орбели: в начале войны Айрапетянц серьезно про штрафился, ему грозил трибунал. Орбели спас его, взял на свою кафедру в ВМА и сделал своим адъютантом.

16 января 1953 г., через три дня после сообщения ТАСС о кремлевских врачах-отравителях, в «Правде» появилась статья заведующего отделом науки ЦК партии Ю.А. Жданова, где говорилось: «Наиболее активными противниками павловской физиологии являются академики Л.А. Орбели и И.С. Беритов, проф. П.К. Анохин и некоторые другие физиологи». Арест Л.А. Орбели казался неминуемым.

На организованном в Ленинграде Э.Ш. Айрапетянцем заседании Общества физиологов, биохимиков и фармакологов, в повестку дня был включен доклад Д.А. Бирюкова «О субъективных ошибках академика Л.А. Орбели». В докладе самого Айрапетянца звучало, что Орбели — идеалист и враг павловского учения. Заседание состоялось 23 марта 1953 г., когда «корифея всех наук» уже не стало, и меньше двух недель оставалось до освобождения «врачей-отравителей».

После смерти Сталина накал разоблачений стал спадать. Орбели смог расширить масштаб исследований, превратив скромную лабораторию в институте им. П.Ф. Лесгафта в самостоятельный Институт эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР в 1956 г. К сожалению, жить оставалось Леону Абгаровичу всего два года.

Обладавший «особым видом человечности высшего ранга», Орбели не помнил зла и простил ученых, принесших ему много неприятностей. Как физиолог, он понимал слабость человеческой природы в условиях тоталитарного режима.

В своей речи на панихиде по Л.А. Орбели Л.К. Лозина-Лозинский назвал Леона Абгаровича «честью и совестью нашей отечественной науки» [1, с. 354]. А П.О. Макаров, обращаясь в своем прощальном слове к покойному, поразительно точно сформулировал общую мысль: «Вы один из ученых нашей Советской Отчизны, составляющих сторожевой моральный вал в науке» [1, с. 362]. Не даром Н.П. Дубинин в своих воспоминаниях назвал выдающегося ученого *«человеком истинной красоты»* [7, с. 102]. Глубоко уважая Л.А. Орбели и думая о нем, академик Е.М. Крепс вспоминал слова Альберта Эйнштейна: «Моральные качества замечательного человека имеют большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения» [44].

Дополнительная информация

Источник финансирования. Работа не имела спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад автора. Автор внесла существенный вклад в разработку концепции и подготовку статьи, прочла и одобрила финальную версию перед публикацией.

Additional information

Funding source. The work had no sponsorship.

Conflict of interest. The author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Authors' contribution. The author made a significant contribution to the development of the concept and preparation of the article, read and approved the final version before publication.

Список литературы

- Лейбсон Л.Г. Леон Абгарович Орбели. Ленинград: Наука, 1973.
- Захарова Е.Т., Колмаков Н.Н., Соколов А.В. Открытие мемориальной доски в память о репрессированных сотрудниках Института экспериментальной медицины // Медицинский академический журнал. 2018. Т. 18, № 4. С. 73–91. DOI: 10.17816/MAJ18473-91
- Крепс Е.М. Следственное дело № П-71715. Т. 1 (№ 23441-37) // Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО).
- Захарова Е.Т. Евгений Михайлович Крепс и его время: Воспоминания. Документы. Фотографии. Санкт-Петербург, 2021.
- Еремеева А.И. Жизнь и творчество Бориса Петровича Герасимовича (К 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. 1989. Т. 21. С. 253–301.
- Еремеева А.И. Борис Петрович Герасимович (к 100-летию со дня рождения) // Земля и Вселенная. 1989. № 2. С. 35–41.
- Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Ленинград: Наука, 1983.
- Пошадите же родину и нас. Протесты академика И.П. Павлова против большевистских насилий // Источник. 1995. № 1(14). С. 138–144.
- Грекова Т.И. Петр Константинович Денисов // И.П. Павлов: достоверность и полнота биографии. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 263–270.
- В Ленинграде закончился XV Международный конгресс физиологов... // Огонек. 1935. № 25 (535).
- Денисов П.К. Следственное дело П-22749 (№ 23822-37) по обвинению Денисова П.К. // Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО).
- Ноздрачев А.Д., Пальцев М.А., Поляков Е.Л. и др. Нобелевские лауреаты по физиологии или медицине. Лоренц Конрад Захариас. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2019. С. 303–307.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г.Ф. Швейника. Санкт-Петербург: Амфора, 2001.
- Amroyan E. The exhibition hall is dedicated to the Armenian period of Konrad Lorenz [Электронный ресурс] // L.A. Orbeli Institute of Physiology NAS RA. Режим доступа: <http://www.physiol.sci.am/lorenz.html>. Дата обращения: 13.09.2022.
- Гороховская Е.А. Жизнь в советском плену и две версии «Русской рукописи» Конрада Лоренца // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. Т. 23, № 3. С. 529–559.
- Айвазян Н.М. Конрад Лоренц и Армения [Электронный ресурс] // Новый Венский журнал. 30.10.2017. Режим доступа: <https://nwm.at/vse-ob-avstrii/nauka/konrad-lorents-i-armeniya>. Дата обращения: 15.10.2022.
- Берлин В.Э. Герман Крепс — гражданин Лапландии (1896–1944). Мончегорск; Москва: Пробел-2000, 2016.
- Финкельштейн К.И. Николаевская Царскосельская гимназия. Ученики. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2009.
- Чупров А. Интервью с Ареном Евгением Львовичем [Электронный ресурс] // Фонд сохранения исторической памяти «Я помню». Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/arens-evgeniy-lvovich/>. Дата обращения: 15.10.2022.
- Ровесница века: Воспоминания Ц.Л. Янковской. Санкт-Петербург: Наука, 2018.
- Воспоминания Выржиковской Г.О. о своем заключении, ссылке и о людях, встреченных в Казахстане, в т. ч. о Софье Тухачевской — сестре Тухачевского. Воспоминания записаны Васильевой Валентиной Степановной // Электронный архив Фонда Иофе. Режим доступа: <https://arch2.iofe.center/case/589>. Дата обращения: 07.02.2022.
- Выржиковский Станислав Николаевич. Следственное дело № П-27136-37 // Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО).
- Колосницын П. О Кольме, о родине и нашем страхе // Троицкий вариант – Наука. №10(279), 21 мая 2019 года. С. 4–5.
- Фото из альбома, подаренного И.П. Павлову сотрудниками «27 сентября 1929 года» в память о праздновании 80-летия академика в Колтушах // Мемориальный музей-квартира академика И.П. Павлова ИФ РАН. Шифр МКП М-109/160.
- Гуль Анна Поликарповна. Следственное дело П-19885 (№ 27741-37). Л. 27–29 // Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО).
- Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (1950; Москва). Стенографический отчет. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
- Орбели Л.А. Избранные труды. Т. 1: Вопросы эволюционной физиологии. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Орбели Л.А. Избранные труды. Т. 2: Адаптационно-трофическая функция нервной системы. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
- Орбели Л.А. Избранные труды. Т. 3: Вопросы высшей нервной деятельности и ее развития. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1964.
- Орбели Л.А. Избранные труды. Т. 4: Вопросы общей физиологии и патофизиологии. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1966.

31. Орбели Л.А. Избранные труды. Т. 5: Статьи и выступления. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1968.
32. Орбели А.Л. Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели // Интегративная физиология. 2022. Т. 3, № 1. С. 9–15. DOI: 10.33910/2687-1270-2022-3-1-9-15
33. Сталин И.В. Письмо Ю.А. Жданову 6 октября 1949 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 535–536.
34. Ярошевский М.Г. Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. The oppressed science / под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 76–82.
35. СПФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 211.
36. Лейбсон Л.Г. Академик Л.А. Орбели. Неопубликованные главы биографии. Ленинград: Наука, 1990.
37. Ефим Иванович Смирнов выдающийся организатор военной медицины и советского здравоохранения [Электронный ресурс] // KVRV. Режим доступа: http://kvrv.ru/history/Istoriya_v_licah/Efim_Ivanovich_Smirnov_vydajuschijsja_organizator_voennoi_meditsiny_i_sovetskogo_zdravoohranenija. Дата обращения: 02.08.2022.
38. Колчинский Э.И. Трудные годы науки глазами одного физиолога. Интервью с академиком А.М. Уголевым // Репрессированная наука. The oppressed science / под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 176–186.
39. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. Москва: Крон-пресс, 2001.
40. Резник С.Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015.
41. Александров В.Я. Трудные годы в биологии. Записки современника. Санкт-Петербург: Наука, 1993.
42. Корнева Е.А. Галерея: мемуары. Москва: Проспект, 2022.
43. Аршавский М.А. О сессии «двух Академий» // Репрессированная наука. The oppressed science / под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 239–242.
44. Крепс Е.М. О прожитом и пережитом. Москва: Наука, 1989.
7. L.A. Orbeli v vospominaniyakh sovremennikov. Leningrad: Nauka; 1983. (In Russ.)
8. Poshchadite zhe rodinu i nas. Protesty akademika I.P. Pavlova protiv bol'shevistskikh nasilii. *Istochnik*. 1995;(1):138–144. (In Russ.)
9. Grekova Tl. Petr Konstantinovich Denisov. In: I.P. Pavlov: dostovernost' i polnota biografii. Saint Petersburg: Rostok; 2005. P. 263–270. (In Russ.)
10. V Leningrade zakonchilsya XV Mezhdunarodnyi kongress fiziologov... *Ogonek*. 1935;(25(535)). (In Russ.)
11. Denisov P.K. Sledstvennoe delo P-22749 (No. 23822-37) po obvineniyu Denisova P.K. Arhiv UFSB RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti (AUFSB RF po SPb i LO). (In Russ.)
12. Nozdrachev AD, Paltsev MA, Poliakov EL, et al. Nobel Laureates in Physiology or Medicine. Lorenz Konrad Zacharias. Saint Petersburg: Humanistica; 2019. P. 303–307. (In Russ.)
13. Lorents K. Agressiya (tak nazyvaemoe zlo). Transl. from Germ. G.F. Shveinik. Saint Petersburg: Amfora; 2001. (In Russ.)
14. Amroyan E. The exhibition hall is dedicated to the Armenian period of Konrad Lorenz [Internet]. *L.A. Orbeli Institute of Physiology NAS RA*. Available from: <http://www.physiol.sci.am/lorenz.html>. Accessed: Sep 13, 2022.
15. Gorohovskaja EA. The circumstances of Konrad Lorenz's life in Soviet captivity and two versions of his "Russian manuscript". *Vopr Istor Estestvozn Tekh*. 2002;23(3):529–559. (In Russ.)
16. Aivazyan NM. Konrad Lorents i Armeniya [Internet]. *Novyi Venskii zhurnal*. Oct 30, 2017. Available from: <https://nwm.at/vse-ob-avstrii/nauka/konrad-lorents-i-armeniya>. Accessed: Oct 15, 2022. (In Russ.)
17. Berlin VE. German Kreps – grazhdanin Laplandii (1896–1944). Monchegorsk; Moscow: Probel-2000; 2016. (In Russ.)
18. Finkel'shtein Kl. Nikolaevskaya Tsarskosel'skaya gimnaziya. Ucheniki. Saint Petersburg: Serebryanyi vek; 2009. (In Russ.)
19. Chuprov A. Interv'yu s Arensom Evgeniem L'vovichem [Internet]. *Fond sokhraneniya istoricheskoi pamyati "Ya pomnyu"*. Available from: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/arens-evgeniy-lvovich/>. Accessed: Oct 15, 2022. (In Russ.)
20. Rovesnitsa veka: Vospominaniya Ts.L. Yankovskoi. Saint Petersburg: Nauka; 2018. (In Russ.)
21. Vospominaniya Vyrzhikovskoi G.O. o svoem zaklyuchenii, ssylke i o lyudyakh, vstrechennykh v Kazakhstane, v t. ch. o Sof'e Tukhachevskoi — sestre Tukhachevskogo. Vospominaniya zapisany Vasil'evoi Valentinov Stepanovnoi. *Elektronnyi arhiv Fonda Iofe*. Available from: <https://arch2.iofe.center/case/589>. Accessed: Feb 7, 2022. (In Russ.)
22. Vyrzhikovskii Stanislav Nikolaevich. Sledstvennoe delo No. P-27136-37. Arhiv UFSB RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti (AUFSB RF po SPb i LO). (In Russ.)
23. Kolosnitsyn P. O kolyme, o rodine i nashem strahe. *Troitskii variant – Nauka*. 2019;(10):4–5. (In Russ.)
24. Photo from an album presented to I.P. Pavlov by the staff "September 27, 1929" in memory of the celebration of the academician's 80th birthday in Koltushi. *Memorial Museum-apartment of Academician I.P. Pavlov IPh RAS. MKP-M-109/160*.
25. Gul' Anna Polikarpovna. Sledstvennoe delo P-19885 (No. 27741-37). L. 27–29. Arhiv UFSB RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti (AUFSB RF po SPb i LO). (In Russ.)
26. Nauchnaya sessiya, posvyashchennaya problemam fiziologicheskogo ucheniya akademika I.P. Pavlova (1950; Moskva).

References

1. Leibson LG. Leon Abgarovich Orbeli. Leningrad: Nauka; 1973. (In Russ.)
2. Zakharova ET, Kolmakov NN, Sokolov AV. Memorial plate unveiled in memory of staff of the Institute of Experimental Medicine who were victims of political repression. *Medical Academic Journal*. 2018;18(4):73–91. (In Russ.) DOI: 10.17816/MAJ18473-91
3. Kreps EM. Sledstvennoe delo No. P-71715. Vol. 1 (No. 23441–37). Arhiv UFSB RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti (AUFSB RF po SPb i LO). (In Russ.)
4. Zakharova E.T. Evgenii Mikhailovich Kreps i ego vremya: Vospominaniya. Dokumenty. Fotografii. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.)
5. Ereemeeva AI. Zhizn' i tvorchestvo Borisa Petrovicha Gerasimovicha (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya). *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya*. 1989;21:253–301. (In Russ.)
6. Ereemeeva AI. Boris Petrovich Gerasimovich (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya). *Zemlya i Vselennaya*. 1989;(2):35–41. (In Russ.)

- Stenograficheskiy otchet. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1950. (In Russ.)
27. Orbeli LA. Izbrannye trudy. Vol. 1: Voprosy evolyutsionnoi fiziologii. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1961. (In Russ.)
  28. Orbeli LA. Izbrannye trudy. Vol. 2: Adaptatsionno-troficheskaya funktsiya nervnoi sistemy. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1962. (In Russ.)
  29. Orbeli LA. Izbrannye trudy. Vol. 3: Voprosy vysshei nervnoi deyatel'nosti i ee razvitiya. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1964. (In Russ.)
  30. Orbeli LA. Izbrannye trudy. Vol. 4: Voprosy obshchei fiziologii i patofiziologii. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1966. (In Russ.)
  31. Orbeli LA. Izbrannye trudy. Vol. 5: Stat'i i vystupeniya. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR; 1968. (In Russ.)
  32. Orbeli AL. Memories of Leon A. Orbeli. *Integrativnaya fiziologiya*. 2022;3(1):9–15. (In Russ.). DOI: 10.33910/2687-1270-2022-3-1-9-15
  33. Stalin IV. Pis'mo Yu.A. Zhdanovu 6 oktyabrya 1949 goda. In: Stalin I.V. Sochineniya. Vol. 18: Tver': Sojuz; 2006. P. 535–536. (In Russ.)
  34. Yaroshevskii MG. Kak predali Ivana Pavlova. In: Repressirovannaya nauka. The oppressed science. Saint Petersburg: Nauka; 1994. Vol. 2. P. 76–82. (In Russ.)
  35. SPF ARAN. F. 895. Op. 2. D. 213. L. 211. (In Russ.)
  36. Leibson LG. Akademik L.A. Orbeli. Neopublikovannye glavy biografi. Leningrad: Nauka; 1990. (In Russ.)
  37. Efim Ivanovich Smirnov vydayushchiysya organizator voennoi meditsiny i sovetskogo zdravoohraneniya [Internet]. *KVRV*. Available from: http://kvr.ru/history/Istoriya_v_licah/Efim_Ivanovich_Smirnov_vydajushchijsja_organizator_voennoi_meditsiny_i_sovetskogo_zdravoohraneniya. Accessed: Aug 2, 2022. (In Russ.)
  38. Kolchinskii EI. Trudnye gody nauki glazami odnogo fiziologa. Interv'y u akademika A.M. Ugolevym. In: Repressirovannaya nauka. The oppressed science. Ed. by M.G. Yaroshevskii. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka; 1994. P. 176–186. (In Russ.)
  39. Shnol' SE. Geroi, zlodei, konformisty rossiiskoi nauki. 2nd ed. Moscow: Kron-press; 2001. (In Russ.)
  40. Reznik SE. Protiv techeniya. Akademik Uhtomskii i ego biograf dokumental'naya saga s memuarnym ukonom. Saint Petersburg: Aleteiya; 2015. (In Russ.)
  41. Aleksandrov VYa. Trudnye gody v biologii. Zapiski sovremennika. Saint Petersburg: Nauka; 1993.
  42. Korneva EA. Galereya: memuary. Moscow: Prospekt; 2022. (In Russ.)
  43. Arshavskii MA. O sessii "dvue Akademii". In: Repressirovannaya nauka. The oppressed science. Ed. by M.G. Yaroshevskii. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka; 1994. P. 239–242. (In Russ.)
  44. Kreps EM. O prozhitom i perezhitom. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины», Санкт-Петербург, Россия

Institute of Experimental Medicine, Saint Petersburg, Russia

Елена Тихоновна Захарова — канд. биол. наук, старший научный сотрудник отдела молекулярной генетики.

Адрес: Россия, 197022, Санкт-Петербург,

ул. Академика Павлова, д. 12.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4232-8824>;

Scopus Author ID: 7102656132;

ResearcherID: E-3956-2014;

eLibrary SPIN: 4771-7898;

e-mail: et_zakharova@mail.ru

Elena T. Zakharova — Cand. Sci. (Biol.), Senior Research Associate of the Department of Molecular Genetics.

Address: 12 Academician Pavlov St., Saint Petersburg,

197022, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4232-8824>;

Scopus Author ID: 7102656132;

ResearcherID: E-3956-2014;

eLibrary SPIN: 4771-7898;

e-mail: et_zakharova@mail.ru